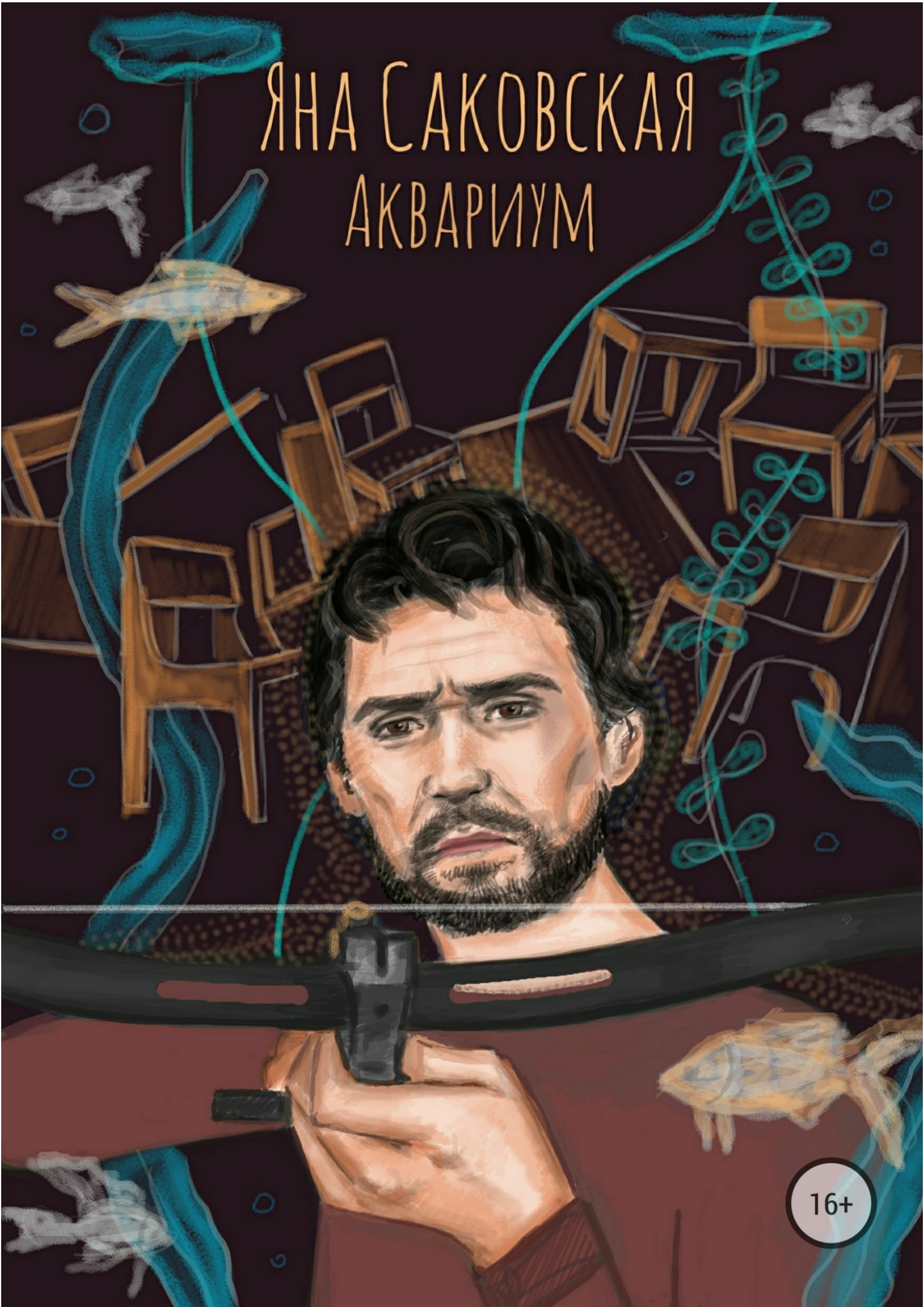

ЯНА САКОВСКАЯ АКВАРИУМ

16+

Яна Саковская

Аквариум

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Саковская Я.

Аквариум / Я. Саковская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Я думал, что благополучно справляюсь с выходом из своего самого страшного кошмара, - до тех пор, пока мой друг не взял арбалет и не начал в меня стрелять. Пятый рассказ из серии.

*Иришке от нас
с любовью и восхищением*

«Как ты думаешь, что такое судьба?»

Амрис сидит на низком подоконнике огромного раскрытого окна, смотрит на виднеющиеся невысокие горы, и в его глазах отражается собирающаяся гроза.

Я сижу напротив и, уже насмотревшись на пейзаж и на Амрису, курю трубку и размышляю, как бы украсить наш подоконник. Ковёр? Резьба по дереву? Мозаика? Продолжая рассматривать образы разных вариантов, выделяю часть внимания, чтобы задуматься над вопросом моего друга.

«Так вроде же последствия принятых решений – насколько мы смогли продвинуться в исследовании этого вопроса в прошлый раз. А что? Ты что-то видишь?»

Передаю ему трубку. Он медленно затягивается и, щурясь, вглядывается в пейзаж.

В последнее время он предпочитает выглядеть молодым мужчиной, с роскошной гривой золотистых волос. Их объёма хватает и на чёлку, и на короткие свободные пряди у висков, и на роскошный «хвост», который начинается от завязки на затылке и спускается до пояса. Буйство волос уравновешено прямыми линиями лица: линия бровей параллельна линии отчётливо очерченных губ, а между ними, перпендикулярно им, аккуратно и соразмерно вписан правильной формы нос. Уже некоторое время Амрис не вносит изменения в облик тела, зато экспериментирует с одеждой.

Он меняет погоду в нашей иллюзии гор за окном, чтобы менять одежду у облика по несколько раз в день. Сейчас он одет в чёрные брюки, кирпичного цвета футболку и чёрную куртку с упруго стоящим воротником. Ворот он поднял несколько минут назад, когда добавил в иллюзию ощущение протяжного предгрозового ветра. В этом пространстве мы не создаём тела достаточно плотные, чтобы чувствовать тепло, холод или влажность, но Амрис просто наслаждается тем, что он может в каждый момент времени выглядеть, как хочет, и менять погоду и облик по первому импульсу. Сейчас он, правда, совсем не об облике думает.

Его глаза в глубине зрачков горят алым цветом. Он быстро-быстро перебирает разные наши решения и намерения, смотрит их развитие в будущем и ищет что-то. Не находит. Медленно выдыхает дым и поворачивается ко мне.

«Как бы ты описал моё состояние?»

Я окидываю его взглядом и отворачиваюсь в сторону гор. Не глазами надо смотреть.

«Я бы сказал, что ты боишься... при этом ты не смотришь в сторону своего страха, чтобы хотя бы понять, чего ты боишься. Вместо этого ты смотришь варианты будущего в поисках того варианта, в котором ты встречаешься с этим своим страхом. Но так как ты не хочешь смотреть, что там на самом деле, поиск оказывается не очень эффективным. И я думаю, что тебе скоро надоест».

Он медленно кивает и задумчиво говорит.

«У меня есть ощущение, что я неминуемо иду навстречу чему-то очень знакомому, к чему я уже давно шёл... Но когда я пытаюсь увидеть, к чему, я почему-то не вижу».

«Если ты к этому идёшь, как ты говоришь, “неминуемо”, я думаю, что это про прошлое, а не про будущее», – предполагаю я. – «Я поймал ощущение этого страха, но оно довольно нечёткое. Поделиться?»

«Да, конечно».

Я присматриваюсь.

«У меня по-прежнему нет зацепок про предмет твоего страха, но от самого страха есть такой образ: как будто где-то в далёкой глубине тебя есть место, где всё заросло паутиной, и эта паутина рождает призрак. Он идёт за тобой, а ты смотришь в будущее, чтобы увидеть, где

ты встречаешься с этим призраком, но пока ты не решишь посмотреть на него, в будущем не будет вашей встречи».

Амрис курит и обдумывает мои слова. И продолжает смотреть варианты будущего. Безуспешно.

«Я думаю, что ты прав...» – произносит он наконец. – «Если и не точен, то очень близок. Призрак, растущий из давней паутины...»

«Мне странно, что я не могу его опознать...» – я сосредотачиваюсь на образе, но Амрис вздрагивает. Огонь в его глазах пропадает, и он прислушивается к чему-то. Я не успеваю следовать за лучом его внимания.

«Кан, он идёт!» – с лёгким удивлением говорит Амрис.

«Кто идёт? Призрак?»

Я не вижу, куда смотрит мой друг. Я вижу, как на его лице разливается умиротворение. Узнавание и светлое смирение.

Что происходит?

«По поводу твоего предыдущего размышления, Кан», – говорит мой друг. – «Я за мозаику...»

Его лицо искажается, как будто он борется с приступом боли.

«Амрис?»

«Мозаику...» – он поднимает на меня неожиданно ясные глаза и говорит отчётливо, но словно не отсюда. – «С рыбами и водной растительностью. Как аквариум. Аквариум...»

Его голос в моём сознании прерывается – и его нет. Его облик оседает, как сдувшаяся кукла, и через несколько мгновений исчезает. Лежавшие в карманах артефакты тоже теряют свой облик и выглядят теперь как мутные сгустки силы, образов и намерений. Боги, сколько же их.

Амриса нет. Он только что был здесь – и теперь его нет. Я не заметил угрозы, я не заметил взлома нашего пространства. Амрис, похоже, тоже не заметил. Он ставил защиту пространства от непрощенных гостей, и я бы почувствовал, если бы он почувствовал, что её взламывают.

Беру упавшую трубку и раскуриваю. Думаю.

«Он идёт», – сказал Амрис.

Я не почувствовал ничего приближения. Я допускаю, что это существо маскировалось от меня, но тогда мы имеем дело с кем-то, кто значительно превосходит нас по силе. Это, конечно, шанс значительно вырасти от этого взаимодействия, но в процессе удовольствия обычно мало.

Меня беспокоит то, что я не понял, куда Амрис смотрел, когда увидел, что «он идёт». В пространство вокруг? В пространство внутри? В будущее? В прошлое? В призрака?

Мне не на что здесь опереться.

Вдыхаю ароматный дым трубки. Как же хорошо, что Амрис её когда-то смастерил! Она здорово помогает думать. Её дым размыкает привычные связи в мышлении и позволяет видеть всё пространство вариантов. И подстёгивает воображение.

«Аквариум», – сказал Амрис. Вот за это можно зацепиться. «Мозаика» и «аквариум» – это слова, которые необычно смотрятся рядом. Возможно, Амрис успел увидеть что-то, но не успел разглядеть как следует, и выразил, как смог.

«Аквариум».

За окном начинается дождь. Вообще Амрис делал грозу, но похоже, что его намерение ослабело от исчезновения самого Амриса, и вместо грозы получился унылый дождь.

«Аквариум», – сказал он.

«Аквариум» – это слово из моего языка.

Это такая история, в которой было невыносимо, в которой очень хотелось остановить время и выйти из неё. Она, конечно же, уже закончилась и осталась в прошлом, но главным

воспоминанием о ней остался момент, когда я хотел оттуда бежать. И в нём время стоит. Иногда я не могу вспомнить, чем всё закончилось, – по сравнению с тем, что происходило в тот невыносимый момент, это неважно.

Для меня это выглядит, как аквариум. Замкнутое пространство одной истории, наполненное водой времени, счётное количество персонажей и декораций – рыб и водной растительности. Замершее. Поставленное на паузу, потому что было невыносимо в нём находиться.

Мой друг начал разговор с вопроса о судьбе. Создавая аквариум, человек создаёт свою судьбу вернуться к нему и запустить время. Аквариум всегда будет ждать своего создателя. Он устаёт держать стоячую воду, он мечтает от течения времени.

Если Амрис имел в виду эти аквариумы...

...то у меня остался последний аквариум.

Тот, в котором я схожу с ума.

Когда я был младше, эта история снилась мне. Я каждый раз сбегал от ужаса сойти с ума. Сейчас я старше и сильнее. Я могу справиться.

Мой единственный вариант – отправиться к последнему аквариуму, запустить в нём время, пройти его и посмотреть, нет ли там Амриса или нет ли там подсказки, где искать Амриса дальше.

Я оглядываю наше пространство. Есть ли здесь что-то, что может мне пригодиться? Касаюсь вниманием Амрисовых артефактов – я не представляю, что делает большинство из них, и лучше я не буду трогать.

Однако система защитных намерений впечатляет! Насколько я вижу – а намерения Амриса я читаю, как книгу, – каждый, кто вопреки воле хозяина попытается присвоить один из артефактов, получит в слабое место в сознании маленький «подарочек». Там, где было сомнение, например, «получится-не получится», сомнение исчезнет, и останется уверенность в том, что не получится. Если сомнений нет, то такой «подарочек» отыщет самое слабое решение и поселит в нём сомнение, «А, может, не надо?» Если существо не склонно к внутренней работе, на этом может развалиться вся его внешняя деятельность.

Достаточно внимательное к себе существо сможет заметить смену состояния и новые мысли и выйти на «подарки». Размыкаются они очень просто: об искреннее раскаяние. Если существо готово провести внутреннюю работу и раскаяться в своём поступке, то «подарок» растворяется, оставив смех Амриса позади. Если существо не готово, то от «подарка» идёт прямая ниточка к Амрису, и он может убрать его при личной встрече с вором. Если сочтёт нужным.

Красиво.

«А нечего по чужим карманам шарить», – почти слышу я усмешку в его голосе.

Так брать ли что-нибудь?

Когда я создавал свой аквариум, у меня не было артефактов. И сейчас я тоже хочу пойти без них. Пройти аквариум на своей силе. Однако интересно, успел ли Амрис что-то захватить. Наверняка успел.

Стоит ли мне создавать связь с этим местом, страховочный трос, чтобы в случае чего я мог выпрыгнуть сюда и передохнуть? Идея хороша, но я думаю, что я не смогу достаточно серьёзно отнестись к происходящему в аквариуме, если я буду знать, что в любой момент могу из него выйти.

Конечно, я не готов.

Мне нужно идти.

Делаю последний глубокий вдох дыма трубки, и границы моего сознания плывут. Размывается ощущение «я», и я чувствую себя единым с общим полем сознания. За миг до того, как я растворюсь во всём, я успеваю сформировать намерение переместиться к месту, откуда начинался мой старый сон.

Мир проглатывает меня. Меня больше нет.

Один край бытия переходит во время, а другой – в пространство. Бытие делает вдох, а на выходе я снова есть.

Я знаю это место.

Я в пустыне, но не чувствую ни жара воздуха, ни жара песка под ногами. Я стою перед ангаром высотой с трёхэтажный земной дом. Глухие металлические стены, плоская крыша. Широкая металлическая дверь передо мной.

Мне страшно, у меня плохое предчувствие. Я протягиваю руку к двери.

Дверь сама открывается внутрь, хотя я думал, что мне нужно будет потянуть её на себя. В проёме стоит человек. Не человек, конечно, но выглядит, как человек. Невысокий, тусклый, с мелкими чертами лица, маленькими руками. Он одет в белую рубашку и чёрные брюки, а поверх них повязан тускло-голубой фартук. В руках он держит большую чашку и маленьким полотенцем деловито её протирает.

Конечно, за порогом будет кафе.

Тянусь тонкими чувствами к существу передо мной.

Если бы это был человек и я писал про него историю, то он вёл бы двойную жизнь. Днём работал бы в какой-нибудь техподдержке и вежливо разговаривал по телефону с растерянными и недовольными клиентами, а в иных кругах он был бы известен как наёмный убийца, который легко и чисто делает самую неприятную работу. Так легко, что если его вдруг поблагодарят за эту работу, то он ответит: «Ой, да что вы! Это такие мелочи...» В свободное от и той, и другой работы время он сидел бы на берегу городского пруда, кормил бы уток, а потом возвращался бы домой и рассыпал по газонам крысиный яд, чтобы травить городских животных.

Таков Хозяин этого места.

– Что надо? – цедит он, искоса смотря на меня.

– Дело есть.

Он ждёт. Я вздыхаю.

– Мне нужно найти моего друга.

– Имя? – равнодушно спрашивает он.

– Чьё?

– Твоё.

Не хочу. Не хочу называть своё имя. Не этому существу. Я знаю, что мне придётся это сделать, но я хотя бы попытаюсь этого избежать.

Беру первое попавшееся имя, обнимаю его, как своё, и произношу. Ничего не происходит. Хозяин не сводит с меня глаз. Называю имя одной из старых личностей. Он презрительно усмехается. Ладно.

– Кан-Гиор.

Как камень в воду, моё имя погружается вглубь Хозяина. Он моргает, ждёт секунду и рывком закрывает дверь перед собой.

Выдыхаю с облегчением. Мне мерзко и страшно быть рядом с этим существом.

С той стороны двери раздаются два тяжёлых широких удара на уровне моих глаз.

Я сжимаюсь и отступаю на пару шагов. Жду. Только чуть расслабляюсь – ещё один удар изнутри. Сердитый. Требовательный.

– Ладно! – кричу я и толкаю дверь. Дверь не поддаётся. Присматриваюсь – дверь открывается наружу.

Вот оно, начинается. Когда я только подошёл к ангару, я подумал, что дверь открывается наружу. Хозяин открыл её внутрь. Я поверил.

Тяну дверь на себя – она открывается так легко, будто это не металлическая дверь, а штора. Оступаю от неожиданности, но удерживаюсь на ногах, оперевшись на дверь.

Вижу знакомое пространство и прохожу.

Сразу у входа по правую руку – застеклённая витрина из пяти полок. На полках на тарелках лежат салаты и простенькие земные десерты: эклеры, пирожные «картошка», йогурты с фруктами в пластиковых стаканчиках. Ассортимент студенческой кофейни. За витриной стоит Хозяин. Руки его, словно отдельно от тела, старательно протирают маленьким полотенцем высокую чашку.

– Дверь всегда открывалась наружу, – говорит он ровно, заметив меня.

Я пробую пройти дальше, чтобы было удобнее разговаривать – не через витрину смотря. Дальше стойка для получения заказа и касса.

Я не могу двинуться. Я не могу повернуть голову, чтобы разглядеть, что происходит дальше, в зале. Я могу смотреть только на Хозяина.

– Дверь всегда открывалась наружу, – повторяет он значительно и ждёт моего ответа.

– Нет, – отвечаю я. Говорить я могу. – Вы открыли дверь на себя, внутрь.

Хозяин широко и холодно улыбается.

– Нет. Это вы ошибаетесь. Вам показалось.

Это и есть мой кошмар. Я вижу что-то, а потом хозяин этого места говорит мне, что я этого не видел, и что всегда было не так, как я видел. Через несколько повторений я ору, начинаю чувствовать, что схожу с ума, запираю это место и его хозяина в аквариум и бегу.

Сегодня мне нужно победить.

Теперь я могу повернуться в сторону зала. Зал выглядит, как дешёвая столовая. Кафельный пол, стулья с металлическими ножками и сиденьями из искусственной кожи, столы опираются на одну широкую ножку, которая книзу разделяется на три опоры. Мне не нужно трогать, чтобы знать, что он шатается, что под одну из ножек нужно подложить сложенную бумажку или что-то подобное, чтобы за этим столом было хоть сколько-то удобно сидеть.

Все столики свободны, кроме одного, в центре зала. За ним сидят четверо пожилых людей: два мужчины и две женщины. Мужчины одеты в дорогие костюмы и шляпы, женщины – в строгие платья и широкие шляпы. При этом на каждой – чрезмерное количество драгоценностей, ярких румян и голубых теней на веках, что в итоге делает весь облик безвкусным. Впрочем, я здесь не затем, чтобы критиковать их облик. Мало ли, кому как нужно выглядеть.

Они останавливают разговор и поднимают взгляды на меня, когда я приближаюсь.

– Здравствуйте, – обращаюсь к ним я. – Я ищу моего друга. Вы знаете, где он?

Одна из дам неспешно промокает губы роскошной салфеткой из ткани – на салфетке остаётся отпечаток от помады – и отвечает с достоинством.

– Твой друг стоит у тебя за спиной.

Я оборачиваюсь. За спиной никого нет. Поворачиваюсь к четвёрке.

– За моей спиной его нет, – отчётливо произношу я.

– Есть! – восклицает другая дама удивлённо. – Вот же он стоит.

Удерживаюсь от того, чтобы обернуться. Присутствие Амриса за моей спиной я уж как-нибудь почувствовал бы. За моей спиной никого нет. В этом зале шесть живых существ, и никого больше.

Выдерживаю взгляд женщины. Она пожимает плечами и берёт в руки десертную вилку. Я замечаю, что они едят роскошный торт с цветами и фигурками бабочек из мастики. Такие торты не подают в дешёвых кафе-столовых. Однако в кафе-столовые и не заходят так роскошно и так безвкусно одетые люди.

– У вас всё, юноша? – строго глядя на меня поверх очков, спрашивает один из стариков.

– Нет. Вы не дали ответ на мой вопрос.

– Какой вопрос? – старик задирает голову, чтобы посмотреть на меня, сквозь очки. В его взгляде недоумение.

Если я скажу, что я спрашивал, знают ли они, где мой друг, он ответит, что я никогда не задавал этого вопроса, и все остальные подтвердят. Поэтому я задаю другой вопрос.

– Где вы взяли так роскошно украшенный торт?

– Как где? – старик удивляется и вновь смотрит на меня поверх очков, будто свысока, хотя я стою, а он – сидит. – Этот торт стоял на витрине, как и другие похожие. Мы выбрали тот, который понравился дамам.

Я хочу повернуться и уйти, но та же сила, которая держала меня у входа, не даёт мне сделать шаг. Похоже, спектакль нужно доиграть до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.